

Иосиф ГОЛЬДМАН,
Семен ДОДИК

(Окончание.
Начало в предыдущем выпуске)

Старший полицейский спросил Басю о ее партийной принадлежности, поинтересовался - имеются ли документы. Она ответила, что в партии никогда не состояла, а документов не имеет, так как они пропали при пожаре эшелона. Истомин все допытывался, не еврейка ли она, делал упор на разговорный акцент Баси-Татьяны, которая настаивала, что она - украинка. Все это Истомин записал. Предупредил, что при необходимости ее вызовут вторично. После допроса Бася ушла...

Следует отметить существенную деталь: хотя Бася и спрятала документы о своем еврействе, она не могла скрыть того факта, что ее сын Иосиф (теперь - Коля) по еврейскому обычаю был обрезан - ведь он родился в семье, соблюдающей иудейские традиции, к тому же с дедом-меламедом. Об обрезании хорошо знали во время оккупации украинские полицейские-щуцманы, которые много десятков лет жили в местечках бок о бок с евреями. Когда эти бандиты подозревали мальчика или мужчину в еврействе, то первое, что делали - заставляли открыть нижнюю часть тела. Обнаружение обрезания крайней плоти означало смертный приговор. Но, вероятно, старший полицейский Иван Иванович Истомин не имел украинского опыта, которым мог бы воспользоваться. Сын Красницкой Вилен (Виктор) не был обрезан, так как родился в семье красного командира, коммуниста. Об обрезании Бася всегда помнила, и потому велела Иосифу не попадаться на глаза Истомину.

В начале сентября к Басе пришла ее землячка Мария Веретина с матерью Идой, они стали жить вместе. Через пару недель женщины уходили на хутор Ворожский к проживающей там партизанке, чтобы узнать новости о Красной Армии. Когда они вернулись обратно на центральную усадьбу совхоза, то дети передали Басе, что приходил Истомин и обязал ее явиться в контору совхоза к следователю из района. Бася, прихватив двух самых маленьких ребят (старших братья с собой было опасно), под вечер пошла в контору. В кабинете сидел Истомин, следователь полиции, не знакомый Басе, и еще два незнакомых полицейских с винтовками. Допросили: вопросы задавал Истомин, а записывал следователь. Допрос проходил по тем же самым пунктам, что и в первый раз. Упор был на ее национальности, на партийности и кто ее муж - "не комиссар ли?". Спросили также об умершей Вере Красницкой - кто она такая, имела ли мужа, где он. Оформили допрос протоколом, в чем Бася расписалась.

После допроса Басе предложили утром следующего дня вновь прийти в кабинет Истомина. Когда она пришла, старший полицейский сказал ей, чтобы была готова к выезду в район. На другой день, в воскресенье 26 сентября, пришла подвода, которую сопровождал Истомин. Бася в это время отсутствовала - уходила искать для детей хлеба. Истомин приказал Веретиной и ее матери, детям Баси и Красницкой собираться в дорогу. Велел не брать посуду кухонную и столовую, ножницы, продукты питания и домашние вещи Красницкой. Остальное сам связал в узлы. Он так и не дал

БАЛЛАДА О МАТЕРИ

1953 год. Семья в сборе

Басе возможность достать хлеба детям на дорогу. После сборов подвода подъехала к конторе, где на нее погрузили еще четверо местных жителей - мать Пашковской, мать Серафимы Заикиной и двух стариков. Всего отправляли одиннадцать человек, сопровождал их до районной полиции Опоцкий, имя которого Бася не знала.

В полиции райцентра Новоалександровка их всех обыскали, деньги и вещи, кроме детских, забрали. После этого всех одиннадцать человек отправили в концентрационный лагерь во двор яйцебазы. Сопровождал их один полицейский, фамилию которого Бася не знала. В лагере было свыше шестисот человек, в основном эвакуированные евреи. Это, конечно, был не такой концентрационный лагерь, где тысячи заключенных содержались длительное время, а место сбора евреев, цыган, нелояльных нацистской власти и подозрительных. Сюда их собирали перед уничтожением. В этом месте уже не было Истомина, и потому для восстановления хода событий нет смысла пользоваться протоколом допроса.

Дочь Баси София после войны долгое время жила с мамой, они дружили, общались, часто вспоминали немецкую оккупацию. Мама много ей рассказывала о том, что шестилетняя девочка тогда не могла понять. Поэтому для освещения событий в лагере воспользуемся воспоминаниями Софии и ее брата.

В лагере Басю и детей разместили на чердаке, заполненном тюками древесной стружки, кишасей блохами и клопами. Кормили раз в день баландой с редким попадавшимися овощами. Огромная скученность не позволяла нормально дышать. За несколько дней пребывания в лагере Бася и дети похудели, оборвались... Однажды объявили, что завтра обитатели лагеря будут вывезены под Ростов-на-Дону копать окопы. Бася обратилась к старому еврею с вопросом - что это значит? Тот ей ответил, что, по его мнению, это конец. Она стала думать, как спастись, как спасти хотя бы

детей... Решила: если ее признают еврейкой, а это может быть из-за обрезания Иосифа, сказать, что все дети, кроме Иосифа, умершей русской женщины. Она собрала детей и сказала им об этом. Но с Софией (теперь - Раей) пришлось договориться, что теперь маму надо звать тетей.

Итак, решено, для немцев она украинка, как и прежде, Лысюк Татьяна Дмитриевна, у нее сын Николай Леонтьевич Лысюк. Остальные дети, Нина Викторовна Красницкая, Виктор Викторович Красницкий и Раиса Викторовна Красницкая - дети умершей третьего сентября 1942 года Веры Красницкой, русской. А пока Бася решила уверенно держаться украинкой, матерью детей, чтобы не возникало подозрений в ее еврействе.

На следующий день лагерь подняли около 5 утра, еще в темноте, и построили на площади. Открылись ворота и во двор въехали две автомашины - легковая и крытая грузовая, оббитая жестью - возможно, "душегубка". Из легковой машины вышли, как рассказала Бася, начальник гестапо из города Кропоткин с переводчиком и четырьмя сопровождающими эсэсовцами с кокардами "мертвая голова". Следует указать, что акции по расстрелу евреев и других "врагов Германии" совершали специальные айнзатцкоманды, входящие в айнзатцгруппы. В Кропоткине в то время находилась айнзатцкоманда 11, входившая в айнзатцгруппу D. Вполне вероятно, что названный начальником гестапо на самом деле был начальником айнзатцкоманды 11. Прибывший начальник велел выйти из строя всем, кто не является евреем, цыганом, комиссаром или попал в лагерь случайно. Первой, выставляя впереди себя детей, вышла из строя Бася, которая уверенно сказала: "Я эвакуированная из города Проскуров украинка, Лысюк Татьяна Дмитриевна с сыном Колей и тремя русскими детьми, мать которых Вера Ивановна Красницкая умерла три недели назад. Наши документы сгорели во время пожара в эшелоне". Начальник через переводчика спросил младших де-

тей, кто эта женщина, мама или тетя, на что натренированная шестилетняя Рая (Софа) ответила: это наша тетя. Больше вопросов не было, их вместе с еще несколькими людьми отвели за дом. Некоторое время с ними была их землячка Маня Веретина, которая представилась армянкой, но мать ее осталась с евреями. Она заламывала руки, думая о матери. Потом не выдержала и перешла к матери. Евреев и других оставшихся в строю по очереди сажали в грузовую машину и куда то увозили...

Когда евреев и других узников увезли на машинах, назвавшихся неевреями отконвоировали в полицейский участок. Начался новый этап борьбы за жизнь Баси и детей. Она снова и снова мучительно размышляла, как вести себя. Контакт с начальником уже был,

немец даже проверял правдивость ее слов о трех чужих детях, убедился, спрашивая маленькую дочку Баси. Она решила вести себя так же уверенно. До Баси начальник проверил две семьи. Документы этих семей, предоставленные начальником полиции Сапуновым, были признаны неблагоприятными. Эти две семьи в числе пяти человек были усажены в грузовую машину. Далее вызвали Басю - маленькую, босую, но со смелым лицом. Не имея документов, она довольно решительно доложила уже сказанное ранее и добавила, что ее с детьми вообще сюда неправильно направили, имея в виду, наверное, записку немецкого начальника станции. Но об этом ничего не сказала, приберегая этот факт, возможно, на случай осложнения обстановки. К счастью, начальник полиции, видимо, положительно доложил о них, а немецкий начальник, надо думать, помнил прошлую встречу.

В результате начальнику полиции было предложено выдать Басе справку об освобождении и отправить на прежнее место жительства. Бася пожаловалась, что при отправке старший полицейский Истомин отобрал у них вещи и продукты. Начальник полиции обещал также выдать справку, чтобы вернули отобранное. Кроме Баси и детей была "реабилитирована" семья русских немцев из Ленинграда и девушка-инвалид, румынка по национальности. Когда допрашивали Басю в полицейском участке, дети находились на улице возле легковой машины. Шофер, указывая на трехлетнего Вилену, говорил, что у него дома такой же сын. Потом достал булку хлеба, две сосиски и подарил детям.

К вечеру начальник полиции Сапунов выдал Басе справку с немецкой печатью об освобождении ее и детей и о возврате на прежнее место жительства, где было также упомянуто о возврате конфискованных вещей (справка эта хранилась в семье Гольдманов до 1953 года, когда из-за "дела врачей-убийц" она была на всякий случай уничтожена). Бася с детьми переночевали на улице, утром доста-

1947 год. Бася и Иоиль с Ниной

ли подводу и приехали в совхоз. Бася со справкой из полиции явилась к удивленному старшему полицейскому Истомину. Но он ничего не мог сделать: справка с немецкой печатью требовала реабилитировать украинку Лысюк Татьяну Дмитриевну с четырьмя детьми. Он был вынужден предоставить им комнату в старом бараке, предупредив Басю: никого не пускать ночевать! Через некоторое время они заняли пустующую комнату истопника в бане. Бася снова окунулась в трудности добывания пищи, топлива и одежды - ведь уже наступила осень, а впереди - зима. К счастью, рядом были сочувствующие местные жители и умение Баси владеть иглой. Старший полицейский Истомин пытался выведать у детей порочащие подробности их прежней жизни, но Бася постоянно внушала детям: ничего лишнего не говорить. К счастью, Истомин так и не догадался проверить Иосифа на "еврейство". С большим трудом они пережили еще три с половиной месяца немецкой оккупации. Для того, чтобы выгнать русские, Бася велела Иосифу и Интерне (Коле и Нине) в октябре 1942 года пойти учиться в 4-й класс открывшейся начальной школы. Вместе с ними в этот класс начала ходить и шестилетняя Софа (Рая), которая тихо сидела за партой. Однажды это заметила директор школы Надежда Кирилловна, она взяла девочку за руку и отвела в первый класс. Софа закончила учебу в первом классе уже после освобождения летом 1943 года.

А 12 января 1943 года пришло освобождение от ненавистной оккупации. С ужасом Бася и дети вспоминали горящий эшелон, старшего полицейского Ивана Ивановича Истомина, концлагерь, допросы. Но все в прошлом, все живы, кроме ушедшей из жизни по болезни Веры Красницкой. Сразу после прихода Красной Армии в полиции были найдены списки людей, подлежащих уничтожению. В этих списках были и Бася с детьми.

После освобождения Бася не могла и думать об отъезде в родные края, ведь шла война, Украина оставалась оккупированной, да и ничего не известно о муже. Кроме того, не совсем благоприятна была обстановка на фронте, боялись возможного возвращения немцев. Был известен адрес московских родственников мужа Веры Красницкой, им было послано письмо, от них получили адрес полковника Красницкого, ему написали письмо. Он ответил из госпиталя, где находился в Москве на лечении. Только в

сентябре 1943 года после выздоровления полковник Красницкий, получив кратковременный отпуск, приехал в Темжбекский зерносовхоз. Бася и дети рассказали ему о прошедших мытарствах, о болезни и смерти жены, о своем спасении. Он благодарил Басю за бескорыстную помощь жене и детям. Дети обнимались и прощались друг с другом,

1995 год. Бася с внучкой и правнучкой

Интерна и Вилен целовали Басю. Они уехали в Москву, где полковнику Красницкому удалось устроить детей в детский дом до окончания войны. А сам он ушел на фронт на должность начальника штаба танковой бригады, где сражался до конца войны.

После освобождения в середине 1943 года Бася получила временный паспорт на настоящее имя, она начала работать в совхозной бригаде, вечерами подрабатывала шитьем. В совхозе Бася с детьми прожили до осени 1945 года, когда ее муж Иоиль был демобилизован и смог приехать за ними. Связаться с супругом Басе удалось только в конце 1943 года при помощи ведомства по эвакуации, находящемся в городе Бузулук.

Весной 1943 года на православный праздник Пасхи женщины из зерносовхоза, где в это время проживала Бася с детьми, ходили в Ростовский собор святить куличи. В тамошнем бородатом дьяконе они узнали бывшего старшего полицейского И.И.Истомина, который многим из них насолил. Они сообщили в соответствующие органы, Истомин был арестован. Как говорили, он до войны работал инженером-строителем, имел два высших образования - окончил духовную семинарию и строительный инс-

титут. Был уличен в антисоветской деятельности, осужден перед войной. В апреле 1944 года Истомина судил военный трибунал, на суде Бася Гольдман выступала свидетелем. Истомин был приговорен к высшей мере. Как вспоминает дочь Баси, на суде она сказала: "За нас, оставшихся в живых, я б его простила, но за смерть тех, кто погиб в концлагере, простить не могу".

В акте от 24 июня 1943 года Новоалександровской районной комиссии по расследованию злодеяний, совершенных немецко-фашистскими захватчиками и их сообщниками в Новоалександровском районе Ставропольского края, имеются сведения о размещении оккупационными властями евреев и местных жителей, связанных с ними, в помещениях яйцебазы и раймага в августе-сентябре 1942 года, дальнейшем использовании их на дорожных работах и уничтоженных в конце сентября 1942-го на территории колхоза имени Володарского в количестве 341 человека. Списка граждан, содержавшихся в помещениях яйцебазы и раймага, в документах не имеется. Если бы Басе и детям не удалось бы выжить, то количество уничтоженных в этом акте могло быть на пять человек больше... Число погибших эвакуирован-

том, что эвакуироваться было необходимо, все перенесенные трудности были не напрасны.

В Проскуров они вернулись в октябре, и обнаружили, что дом, где их семья жила раньше, разрушен прямым попаданием авиабомбы. Временно их приютили бывшие соседи Сигалы. Но Бася ждала ребенка. Девочка Нина родилась 16 ноября 1946 года, пришлось переехать в проходную комнату коммунальной квартиры. Там перезимовали, затем обстоятельства заставили снова искать жилье. И опять помогли довоенные соседи Вайсбурды, предоставив 14-метровую комнату с отдельным входом. Там семья из пяти человек жила до 1949 года, когда Иосиф уехал в Ленинград на учебу в военно-инженерное училище. Все это время Иоиль работал парикмахером, а Бася хозяйничала, подрабатывая шитьем. Через четыре года уехала на учебу в Московский институт инженеров транспорта София.

В той 14-тиметровой комнате Бася с мужем и младшей дочкой Ниной жили до 1970-х годов, когда взрослой Нине выделили на радиозаводе, где она работала, отдельную квартиру. После этого Бася с мужем жили в семье Нины, у которой родились двое детей.

25 февраля 1989 года умер Иоиль, муж Баси. Нина тяжело болела и скоро тоже ушла из жизни. После этого Бася переехала жить в город Тюмень к сыну - подполковнику в отставке Иосифу Гольдману, где она прожила четыре года в хороших условиях, успев познакомиться с правнучкой. Бася ушла из жизни 29 марта 1993 года.

Сын Баси Иосиф успешно окончил военное училище, служил на Сахалине, в 1958 году женился, на следующий год у него на Сахалине родился сын. Ныне этот сын - доктор-онколог, заслуженный врач России, у него двое взрослых детей - сын и дочь. В 1959 году Иосифа перевели в Молдавию, где в 1965-м у него родился второй сын, который сейчас инженер-механик, у него взрослая дочь. Живут они в Тюмени, где сейчас проживает и Иосиф с женой. Старшая дочь Баси София успешно окончила институт в Москве, стала инженером-строителем, вышла замуж, живет в Москве. Двое сыновей ушедшей из жизни Нины, младшей дочери Баси, вместе с мужем Нины в 1991 году переехали в Израиль, у них растет девочка, внучка Нины и правнучка Баси.

Дочь Веры Красницкой Интерна, которую спасла Бася, после войны жила в Москве, вышла замуж. У нее в 1956-м родился сын, который окончил Московский финансовый институт. У него в Москве в 1980-м родился сын, а в 1986-м - дочь. Все они сейчас живут в Канаде, сын и внук Интерны занимаются бизнесом. У сына Веры Красницкой Вилен также в Москве родилась в 1966 году дочь Вероника, а у ней в 1988-м - дочь Аня. Дочь Вилены по специальности логопед, занимается бизнесом, а внучка Аня учится в университете. Живут они в Москве.

Спасенная Бася, спасенные ею дети и дети Веры Красницкой родили вместе пятерых детей, которые, в свою очередь, произвели на свет еще восьмерых. И у этой "восьмерки" будут дети, внуки, правнуки...

А если бы Бася не проявила в экстремальной ситуации столько энергии и решительности, все бы погибли. И цепочка поколений оборвалась бы...

Подготовил к публикации Григорий Рейхман